

ПРОЛЕТАРИИ ВСЕХ СТРАН, СОЕДИНЯЙТЕСЬ!

Литература и искусство

Орган правления Союза советских писателей СССР, Комитета по делам искусств
при СНК СССР и Комитета по делам кинематографии при СНК СССР.

28 (132)

8 ИЮЛЯ

1944 г.

—

ВЫХОДИТ
ЕЖЕНЕДЕЛЬНО

—

Цена 45 коп.

Из воспоминаний

Говорят, с годами мы читаем давно знакомые вещи как бы другими глазами. И правда: как, например, мы читали «Войну и мир» в 17 лет — и как читали ее в зрелом возрасте? Казалось, это два различных произведения. Так бывает и с людьми.

Я познакомилась с А. П. Чеховым в одну из самых светлых полос его жизни — в мелиховский период, и у меня было одно впечатление. Прошли года. Мы рано утратили его... И сейчас его образ совсем по-иному вспоминается мне, и по-настоящему я, конечно, поняла и оценила его только теперь.

Я познакомилась с ним в ранней молодости, — познакомилась прежде всего, как с «братом Маши», «другом Лики» — моих приятельниц — и совершенно не отдавала себе отчета в том, что передо мной был один из лучших писателей русских, человек, сказавший свое новое слово, которому суждено было сыграть такую огромную роль не только в русской, но и в зарубежной литературе. Для меня он был просто милый Антон Павлович, который относился ко мне так тепло, но как к девочке, звал Таней, дразнил меня и шутил со мной, даже похвалы свои высказывая под видом шутки: «Какие красивые стихи! Уж, конечно, вы списали их в старом журнале».

Мне казалось вполне естественным, что когда мы только собирались к утреннему завтраку, он уже возвращается с поездки к больному куда-нибудь за несколько верст, иззябший и усталый, пил чай, а потом запирался в своем кабинете и писал по нескольку часов подряд, а выходил к обеду приветливый, такой «уютный» в теплом бархатном жилете, радужный, с ласковой шуткой для всех. А иногда в жестокую вьюгу или мороз он спешно одевался и уезжал или уходил в деревню, невзирая на тревожные возгласы кроткой Евгении Яковлевны — матери его.

— Антоша, куда же ты, подожди, пока стихнет!

— Но, мамаша, дизентерия ждать не станет...

Только позже я, на расстоянии, смогла понять, что значили все эти отъезды, попутно с которыми он успевал писать такие вещи, как «Палата № 6», «Рассказ неизвестного человека», «Бабье царство», «Черный монах», «Три года», «Дом с мезонином», «Ариадна», наконец «Чайка» и пр.

Чехов никогда не говорил громких фраз о «служении народу», о «любви к меньшему брату», на какие так щедрны были либеральные кружки того времени, толковавшие об этих вопросах за стаканом красного вина. «Работать надо, а все остальное к черту!» — писал Чехов. — Главное, быть справедливым, а остальное приложится». И он был справедлив, и рабстал.

Приехав в Москву из Киева, после окончания гимназии, я отправилась навестить мою бывшую кормилицу, в деревню, близ станции Лопасня, узнала, что она больна, как тогда говорилось, чахоткой, — и, обеспокоившись, стала ее спрашивать, лечится ли она, есть ли доктор и лекарства. А она ответила мне:

— Не бойся, родимая, дохтур у нас такой, что и в Москве лучше не найти: верст за десять живет, Антон Павлович, уж такой желанный, он и лекарства все мне сам дает.

Я только позже этого случая, познакомившись с семьей Чехова и попав в Мелихово (близ Лопасни), поняла, кто был этот Антон Павлович. Он, действительно, не только лечил, но и лекарствами снабжал деревню, тратя на это значительные по его средствам суммы. В его ведении был участок в двадцать пять деревень, четыре фабрики и один монастырь, — и со всем этим он управлялся один, с помощью фельдшера, который «без него не мог сделать ни шагу», как он жаловался. Чехов

принимал больных, раз'езжал по деревням, читал лекции, как бороться с холерой, сердился, убеждал, горел этим и писал друзьям: «Пока я служу — не считайте меня литератором». Но, конечно, не писать он не мог.

Он возвращался домой измученный, с головной болью, но держал себя так, точно делал пустяки, дома всех смешил и, глядя в грустные глаза своей любимой таксы Хины Марковны, уговаривал ее: «Хина Марковна, страдалница... вам ба в больницу ба-б, вам ба, там ба полегчало ба-б!».

Переселившись в Мелихово, Чехов — помимо литературного труда — целиком посвятил себя вопросам народного образования и здоровья. Ему обязаны своими школами Талиж, Новоселки и Мелихово. Он сам строил их, сам закупал материал. На его письменном столе рядом с листками последнего рассказа, исписанными его тонким, причудливым, но разборчивым почерком, лежали планы, сметы и чертежи. Он строил пожарные сараи в деревне, добился проведения шоссе от Лопасни до Мелихова, принимал деятельное участие в постройке земской больницы и пр. и пр.

Но одним уездом не ограничивалась деятельность Чехова: он был основоположником библиотеки в своем родном городе Таганроге. Начал он с того, что всю свою большую прекрасную библиотеку пожертвовал городу, оставив себе только книги для личного употребления. Не довольствовавшись этим, он взял на себя постоянное пополнение библиотеки, так что вскоре она стала одной из лучших в провинции. Он отправлял туда целые транспорты книг как купленных, так и пожертвованных им, его знакомыми авторами и издателями. По его мысли, при библиотеке стало формироваться нечто вроде справочного бюро, где каждый мог найти все, что бы ему ни понадобилось по любым отраслям знания. Он интересовался и музеем таганрогским, подавал советы относительно его устройства и пополнения. А будучи в Париже, специально познакомился со скульптором Антокольским, чтобы заказать ему статую Петра Первого — для постановки памятника в Таганроге, и выбирал место для этого памятника. Родной город многим обязан ему.

Кипучая деятельность Чехова прекратилась только, когда роковая болезнь заставила его переселиться в Крым. Он вынужден был щадить свои физические силы; но и там — сам тяжело больной — он неустанно заботился о приезжавших туда немощных больных, только, опять-таки, не терпел, чтобы его благодарили.

Чехов говорил: «Человек должен быть ясным умственно, чистым нравственно и опрятным физически». И он и вся его семья следовали неуклонно этому принципу. Поэтому, приезжая к Чеховым, вы всегда попадали в атмосферу настоящего труда и настоящего содружества, где легко дышалось и верилось в человека.

Часто в годы революции я думала: что бы делал теперь Чехов? Как он относился бы к великим событиям? И ответ всегда у меня был один: Чехов был русский писатель, русский гражданин, он ушел бы с головой в строительство новой жизни.

Его дар предвидения в одном обманул его — он говорил: «Меня скоро забудут... После моей смерти меня лет семь будут читать, не больше». Со дня смерти прошло не семь лет, а сорок, — а его читают, помнят и любят, и когда я вижу, как жадно слушает молодежь, если ей рассказываешь что-нибудь о Чехове, то я счастлива, что и я могу внести свою маленькую долю в то, чтобы дошел до будущего обаятельный образ Чехова, который остаётся для меня одним из прекраснейших воспоминаний в моей жизни.

Комментарий

Щепкина-Куперник Татьяна Львовна (1874–1952) – писательница, поэтесса, драматург, переводчица. Правнучка актера М.С. Щепкина. Близкая знакомая Чехова и его семьи. Публиковалась в журналах и газетах «Новое время», «Русские ведомости», «Русская мысль» и т.д. Переводила пьесы К. Гольдони, П. Кальдерона, Лопе де Вега, Мольера, Э. Ростана, У. Шекспира и т.д.

Щепкина-Куперник – автор нескольких книг воспоминаний («Дни моей жизни», «О М.Н. Ермоловой. (Книга воспоминаний)», «Театр в моей жизни»), а также большого количества мемуарных статей об А.П. Чехове, печатавшихся в советской периодической печати в 1930–1950-е гг.

Я познакомилась с А.П. Чеховым... в мелиховский период... — Щепкина-Куперник познакомилась с Чеховым в октябре или ноябре 1893 г., а первый раз посетила Мелихово в декабре 1894 г.

...«братом Маши», «другом Лики»... — Имеются в виду сестра писателя – Мария Павловна Чехова, – и Лидия (Лика) Стахиевна Мизинова (1870–1939), подруга М.П. Чеховой, входившая в ближайшее окружение Чехова. Известно 67 писем Чехова к Мизиновой и 98 ее писем. О сложном характере и истории их взаимоотношений см. Паперный З.С. Тайна сия... Любовь у Чехова. М.: Б.С.Г.-Пресс, 2002. С. 69–100.

...навещать мою бывшую кормилицу... — Кормилица – женщина, которую нанимали для кормления грудью вместо матери. Щепкина-Куперник вспоминала, что мать «меня... получила уже от кормилицы, годовалой» (Щепкина-Куперник Т.Л. Дни моей жизни. М.: Федерация, 1928. С. 34). Эту кормилицу Щепкина-Куперник и навещала в деревне около станции Лопасня.

Лопасня — Станция (ныне – город Чехов), возле которой находилось имение Мелихово.

Он, действительно, не только лечил ~ как он жаловался — М.П. Чехова вспоминала, что после переезда в Мелихово Чехов организовал прием крестьян из Мелихова и окрестных деревень: «образовался настоящий больничный приемный пункт, или, как его называли бы теперь, – амбулаторный прием больных. Антон Павлович установил приемные часы утром» (Чехова М.П. Из далекого прошлого. М.: Гослитиздат, 1960. С. 119). Во время эпидемий холеры 1892 и 1893 гг. Чехов заведовал мелиховским противохолерным участком.

Ему обязаны своими школами... — Чехов в 1896–1899 гг. организовал сбор средств на постройку трех школ: в Талеже, Новоселках и Мелихове.

...он был основоположником библиотеки в своем родном городе Таганроге... — Таганрогская городская библиотека была открыта в 1876 г. Чехов не был ее «основоположником», но сыграл значимую роль в пополнении фондов библиотеки. В 1890 г. к Чехову, по просьбе Таганрогского городского головы К.Г. Фоти, обратился дядя М.Е. Чехов с просьбой передать в городскую библиотеку по одному экземпляру своих книг с дарственными надписями. 3 мая 1890 г. Чехов писал Фоти: «...я поручил выслать на Ваше имя три своих книги. <...> Между прочим, я поручил послать Вам экземпляр “Власти тьмы” Л. Толстого с собственноручною авторскою подписью; я прошу городскую библиотеку принять от меня этот небольшой подарок, как со временем буду просить принять от меня все те книги с авторскими факсимиле, какие у меня теперь имеются и какие я собираю и сохраняю специально для библиотеки моего родного города». После этого Чехов отправлял в Таганрог крупные партии книг в 1894 и 1895 гг., просил пополнять таганрогскую библиотеку своих знакомых литераторов, в марте 1898 г., находясь за границей после обострения туберкулеза, отправил из Парижа для таганрогской городской библиотеки 319 томов с произведениями французских классиков. Последние книги были посланы в Таганрог по распоряжению Чехова в начале июня 1904 г. – за месяц до смерти писателя.

...будучи в Париже, специально познакомился со скульптором Антокольским... — В марте 1898 г. П.Ф. Иорданов, таганрогский санитарный врач и общественный деятель, в письме к Чехову попросил договориться со скульптором М.М. Антокольским об изготовлении под руководством Антокольского копии его скульптуры Петра I, установленной в Петергофе, для Таганрога к 200-летию города. 16 апреля Чехов встречался в Париже с Антокольским, который дал согласие на безвозмездную работу и предложил не делать точную копию, а изменить размеры монумента и увеличить пьедестал. Закладка памятника состоялась 13 сентября 1898 г.; открытие – 14 мая 1903 г.

Чехов говорил... — Афоризм из I и IV записных книжек Чехова.

«Меня скоро забудут... После моей смерти меня лет семь будут читать, не больше». — Аналогичный эпизод – в мемуарах И.А. Бунина: «Чехов внезапно сказал мне: – Знаете, сколько лет еще будут читать меня? Семь. – Почему семь? – спросил я. – Ну, семь с половиной» (Бунин И. Памяти Чехова // Сборник товарищества «Знание» за 1904 год. Книга третья. СПб.: Издание товарищества «Знание», 1905. С. 267). В тексте, заново подготовленном для сборника «А.П. Чехов в воспоминаниях современников», Щепкина-Куперник воспроизводит рассуждение так: «–Меня будут читать лет семь, семь с

половиной, – говорил он, – а потом забудут» (А.П. Чехов в воспоминаниях современников. М.: Гослитиздат, 1947. С. 232). В личном экземпляре сборника Бунин на полях возле этого отрывка из воспоминаний Щепкиной-Куперник оставил помету: «Это у меня украдено» (ОР РГБ. Ф. 429. К. 3. Ед. хр. 31. Л. 117 об.).